

Дальневосточный фактор в социально-демографических процессах России во второй половине XX в.

Ангелина Сергеевна Ващук,

доктор исторических наук, заведующая Отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток. E-mail: va_lina@mail.ru

Статья о роли Дальнего Востока в развитии исторического процесса в России. Дальневосточный фактор рассматривается в двух аспектах: во-первых, показан социально-демографический «вес» региона на фоне общероссийской ситуации; во-вторых, выявлены особенности дальневосточной истории, которые либо усиливали общероссийские социально-демографические тенденции, либо придавали им специфику.

Ключевые слова: Дальний Восток, Россия, население, дальневосточный дискурс, миграции.

Far Eastern factor in the socio-demographic processes in Russia in the second half of the XX century.

Angelina S. Vashuk, Dr. Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

The article depicts the important problem of Russian history, the role of the Far Eastern region in development of the historical processes in Russia. The Far Eastern factor is divided into two aspects, dealing firstly with the socio-demographic significance of the region in the light of All-Russian situation and secondly revealing the peculiarities of the Far Eastern history that either reinforce All-Russian tendencies or give them specific features.

Key words: Far East, Russia, population, Far Eastern discourse, migration.

История Дальнего Востока второй половины XX в. анализируется преимущественно на базе концепции дальневосточной политики, главным образом на основе факторного анализа. Если убрать идеологическое оформление в виде советского тезиса «заботы партии и правительства о Дальнем Востоке», то основной перечень факторов, влиявших на формирование дальневосточной политики, обозначенный в трудах А.И. Крушанова и группой экономистов 1960—1970-х гг., фактически не изменился. Но в начале XX в. произошла смена оценок в изучении влияния этих факторов на региональную историю по нескольким позициям. Изменилась также терминология. Некоторые примеры дальневосточного дискурса приводятся в табл. 1.

Таблица 1

Дальневосточный дискурс

1970—1980 гг.	1990—2000 гг.
Внешнеполитические события и международные отношения на Дальнем Востоке/АТР	Особенности геополитического статуса Дальнего Востока в АТР
Богатый природно-ресурсный потенциал и необходимость его быстрее вовлечения в хозяйственный оборот	Большой ресурсный потенциал. Слабая освоенность территории
Дефицит трудовых ресурсов и рациональное их распределение в масштабах страны. Концепция формирования постоянного населения на Дальнем Востоке	Дефицит ресурсов на фоне увеличения влияния внешнеполитического фактора
Роль партийного руководства в развитии производительных сил Дальнего Востока	Экономическая и политическая перспективность

Источники: История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.) / отв. ред. А.И. Крушанов. М.: Наука, 1991. С. 5—6, 18 и др.; Марголин А.Б. Проблемы народного хозяйства Дальнего Востока. М.: АН СССР, 1964. С. 254; Деревянко А.П. Строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1974—1982 гг.): исторический опыт / отв. ред. А.И. Крушанов. Владивосток: Изд-во ДВНЦ АН СССР, 1983. 152 с.; Угольная промышленность Дальнего Востока, Забайкалья и Восточной Сибири на рубеже XXI века / под общ. ред. А.М. Васяновича. Владивосток: Изд-во ТАНЭБ, 1999. 266 с.; Минакир П.А. Экономическое развитие региона: программный подход. М.: Наука, 1983. 224 с.; Его же. Экономика регионов. Дальний Восток / отв. ред. А.Г. Гранберг. М.: Изд-во «Экономика», 2006. 848 с.; Гладышев А.Н., Куликов А.В., Шаполин Б.Ф. Проблемы развития и размещения производительных сил Дальнего Востока. М.: Мысль, 1974. 215 с.; Ващук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (середина 40—80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998. 212 с.; Экономика Дальнего Востока: переходный период / под ред. П.А. Минакира, Н.Н. Михеевой. Хабаровск; Владивосток: Дальнаука, 1996; Бакланов П.Я. Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. Владивосток: Дальнаука, 2001. 144 с.; Абрамова Н.В. «Чуда» не произошло: итоги экономического развития Дальнего Востока России (1965—1985 гг.): Оценка зарубежных авторов // Россия и АТР. Владивосток, 1997. № 1. С. 5—14; Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI—XX вв. М.: Наука, 2004. 600 с.; Моисеев Р.С. Избранное. В 3 т. Т. 1. Россия и Дальний Восток. Геополитические и социально-экономические аспекты развития; Т. 2. Развитие Дальнего Востока и Камчатки: Региональные проблемы. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамГУ им. Витуса Беринга, 2007. Т. 1. 245 с.; Т. 2. 364 с.; Савченко А.Е. Задачи развития и проблемы политической управляемости (середина 1960-х — конец 80-х гг.) // Россия и АТР. Владивосток, 2011. № 1. С. 30—39; Савченко А.Е. История административно-политических взаимоотношений центра и регионов юга Дальнего Востока в 1985—1990-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2011.

Вектор дальневосточной политики в содержательно-целевом назначении советские авторы оценивали преимущественно через понятие «развитие производительных сил», которое позднее было дополнено методологической конструкцией «хозяйственное освоение». Однако в конце советского периода, когда в годы горбачёвских реформ историческая

наука приобрела некоторую свободу, оценки отличались плюрализмом взглядов. Так, продолжала существовать теория хозяйственного освоения, но и она оспаривалась сторонниками концепции продолжающейся колонизации Дальнего Востока [21, с. 5]. Некоторые учёные, в частности сибиряки, поспешили разделить зарубежную теорию фронта [1, с. 202; 15, с. 30—31]. В 1990-е гг. и в начале 2000-х гг. в рамках политической регионалистики стала активно развиваться концепция центр — периферия [17, с. 3—6].

Отмечая большие заслуги предшественников, рассмотрим исторический процесс с иной стороны, проанализировав роль дальневосточного фактора в российской истории на примере социально-демографического процесса. Показать значение дальневосточного фактора можно, используя метод выделения главных «точек» или векторов, которые либо развивали общероссийские тенденции, либо вносили своеобразие в советское социально-демографическое пространство, тем самым оказывая влияние на появление специальных учреждений, ведомств в центре, создававших особую зону управленческих решений в виде значимых для эпохи документов. Без них невозможно раскрыть общую картину советской России второй половины XX в.

Основной «опорной точкой» нашего анализа является количественное измерение дальневосточного физического ландшафта в общероссийском пространстве. Другими словами, необходимо ответить на простой вопрос: увеличилась ли доля дальневосточного населения в общей массе россиян во второй половине XX в? Ответ на этот вопрос даёт нам статистика.

Таблица 2

Динамика населения (млн) и доля (%) Дальнего Востока в общей численности населения России в 1940—2010 гг.

	1940	Доля	1950	Доля	1959	Доля	1970	Доля
РСФСР/РФ	110,100	100	101,400	100	117,500	100	129,90	100
Дальний Восток	3,155	2,9%	3,378	3,3%	4,875	4,1%	5,78	4,4%
	1979	Доля	1989	Доля ДВ	2002	Доля	2010	Доля
РСФСР/РФ	137,400	100	147,000	100	145,200	100	141,8	100
Дальний Восток	6,819	5,0%	7,941	5,4%	6,693	4,6	6,3	4,4

Таблица составлена на основе источников: Рыбаковский Л.Л. Динамика населения Дальневосточного экономического района // Вопросы географии Дальнего Востока: Хабаровск, 1971. № 9. С. 8; Демографический ежегодник России: стат. сб. М.: Госкомстат России. 1999. С. 25; Демографический ежегодник России. 2007 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B07_16/IssWWW.exe/Stg/01-02.htm (дата обращения: 05.03.2012); Вот какие мы — россияне: Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2011/12/16/stat.html> (дата обращения: 05.03.2012).

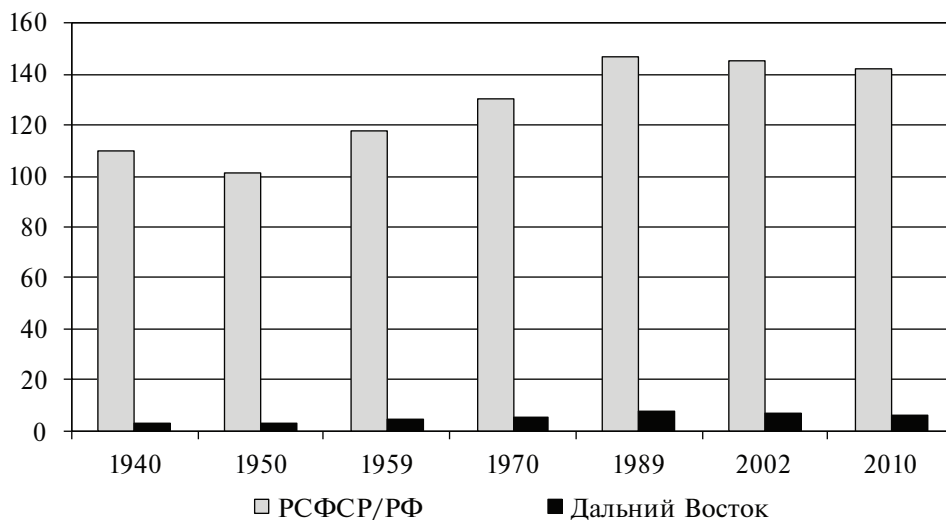

Рис. 1. Динамика и доля Дальнего Востока в общей численности населения России (млн), 1940—2010 гг.

Представленные иллюстрации показывают, что периферийный регион во второй половине XX в. постепенно расширял свою нишу в демографическом российском пространстве до 90-х гг. Какие же дальневосточные события и процессы стояли за тенденцией увеличения доли дальневосточников в общей массе россиян с 1945 по 1989 г.?

После окончания Второй мировой войны «дальневосточный фактор» в общероссийской истории проявлялся в целом ряде событий, которые условно можно обозначить через понятие «дальневосточный исторический комплекс». Хотя многие факты и события общеизвестны, но без их упоминания утрачивается цельность исторической картины.

Одним из главных векторов советской социальной истории, определившим развитие событий на многие годы вперед, стал фактор территориального расширения РСФСР на Востоке после присоединения Курильских островов и Южного Сахалина. В СССР появилась новая общегосударственная задача: провести полную интеграцию территории в советскую систему. Это коснулось и сферы социальных отношений. 18 апреля 1947 г. в России появилась единственная островная область. Неотъемлемой частью социально-демографического процесса в РСФСР стала постепенная смена состава населения на этой территории в течение второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. В 1945—1950 гг. на Сахалин прибыло свыше 300 тыс. чел. [ГАСО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 375. Л. 24].

Смена национального состава населения и полная интеграция новых территорий в советское пространство были зафиксированы важнейшим

политическим событием — в октябре 1954 г. Сахалин посетила группа высокопоставленных партийно-государственных руководителей, в результате были приняты документы по развитию Сахалинской области [4, с. 35; 8, с. 480—481; 12, с. 320—321]. Расширение территории на востоке страны в середине XX в. и обеспечение безопасности СССР закрепили общероссийскую черту социально-демографической истории — развитие восточного вектора миграций, который в 1945—1960 гг. сопровождался высоким уровнем возврата населения [6, с. 67, 69; 11, с. 230—231; 12, с. 141; 13, с. 75, 142, 148].

В этом плане показателен пример Сахалина. В течение 10 лет (1952—1961 гг.) в Сахалинскую область въехало 509,9 тыс. чел., а выехало — 590,9 тыс. чел. [22, с. 79]. Кроме того, за 35 лет после 1945 г. (по совокупным данным) здесь побывало 2 млн 8 тыс. советских людей. В 60-е гг. сахалинское население как бы полностью сменилось четырежды [22, с. 80].

Яркой чертой социально-демографической истории России 50—60-х гг. XX в. стал процесс постепенной замены состава населения и трудовых ресурсов на Северо-Востоке РСФСР, который затронул судьбы десятков тысяч советских граждан, вернувшихся к родным и близким.

Импульс реорганизации особой управленческой структуры (Дальстроя) был дан политическими событиями в стране. Стратегическое значение природных ресурсов данной территории, а также кризисное организационно-административное состояние Дальстроя придавали этому событийному комплексу характер встречного императива, который оказал большое влияние на ход событий в Центре, особенно во властных структурах. Состояние ГУЛАГа на Колыме превращалось в угрозу дестабилизации общественного порядка в регионе. Были приняты меры по усилению охраны: военизированную охрану комплектовали из солдат срочной службы, удельный вес которых составил более 75% [2, с. 171].

Реорганизация системы Дальстроя стала катализатором процесса постепенной замены трудовых ресурсов на Северо-Востоке. Этот процесс втянул в орбиту своего влияния население значительной части России. В 1956 г. с предприятий Дальстроя уволилось 62% вольнонаёмных, выехало 25 450 чел., а въехало 13 933 чел. [ГАМО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 58. Л. 70—74].

Дефицит рабочей силы на Северо-Востоке рассматривался советским руководством как срыв всего производственного процесса горнодобывающей отрасли, который мог привести к риску сокращения одного из важнейших источников пополнения бюджета страны. Уже в 1951—1955 гг. Дальстрою разрешили израсходовать на «вербовку» кадров 487 млн руб. [Там же. Л. 74]. Для организации вербовки сам Дальстрой имел отделения: по Ленинградской области (г. Ленинград), Украинской ССР (г. Ки-

ев с уполномоченными в г. Ворошиловграде), Харьковской, Сталинской, Днепропетровской, Одесской областям; Белорусской ССР (г. Минск); Казахской ССР (г. Алма-Ата); Новосибирской, Свердловской, Челябинской, Ростовской областям. Уполномоченные Дальстроя по вербовке работников были также в Тульской области, Башкирской АССР, Алтайском крае, Воронежской области и др.

Магаданская область стала новым местом жительства многих россиян, прибывших по договорам, направлению партийных и комсомольских организаций, а также по распределению специалистов после окончания учебных заведений. Например, в истории России значится 13 эшелонов добровольцев — молодёжных комсомольских групп, прибывших из Москвы. 12 июля 1956 г. пароход «Иван Кулибин» доставил в бухту Нагаево первый отряд добровольцев. Комсомольский призыв того года (за пять месяцев) дал предприятиям Магадана 7,5 тыс. чел. Северо-Восток включался в модернизационный социально-демографический процесс с помощью политических инструментов. Партийное руководство и советское правительство апробировали здесь модель концентрации трудовых ресурсов, соответствовавшую курсу дальнейшей индустриализации страны и обеспечения социальной безопасности СССР.

Организацию Центром оргнабора на Северо-Восток, сельскохозяйственных переселений на юг Дальнего Востока, а также молодёжных призывов в регион, отъезд молодых людей из центральной части на периферию в конце 50—60-х гг. можно считать знаковыми событиями социальной истории России второй половины XX в.

Дальневосточный фактор в социально-демографических процессах продолжал проявляться через политически организованные кампании, которые стимулировали смену жительства десяткам тысяч россиян. Например, в 1953 г. для дальневосточных предприятий организовано набрали 26,4 тыс. чел., из них в центральных районах страны — 15,4%, на Северном Кавказе — 9,2%, в северных и западных районах — 9%, Поволжье, Восточной и Западной Сибири — 4,2%, на Урале — 1,7%, в районах Дальнего Востока — 63,1%. В 1955—1959 гг. из 130 тыс. орграбочих 74 тыс. приходилось на прибывших из других регионов, а 56 тыс. — завербованных в пределах региона [16, с. 89—90; 19, с. 197].

Дальневосточный фактор в 1945—1970-е гг. выполнял функцию стимулирования миграционной подвижности российского населения, а также воспроизводил функцию «вызова» перераспределения населения страны, получая «ответ» в виде роста численности городского населения в форме омоложения его и увеличения количества специалистов с рабочей и инженерно-технической профессиями.

Хотя к концу XX в. Дальний Восток так и не смог преодолеть очаговую форму расселения, тем не менее здесь выросло городское население, особенно в 1970—1979 гг.

Таблица 3

**Удельный вес городского населения Дальнего Востока
в общей численности горожан РСФСР/России**

Годы	Численность населения РСФСР/России	В том числе городское		Доля Дальнего Востока в численности городского населения России
		РСФСР/Россия	Дальний Восток	
1959	117,5	61,6	3,0	4,87%
1970	129,9	80,6	3,8	4,71%
1979	137,4	94,9	4,6	4,85%
1989	147,0	107,9	5,3	4,91%
2002	145,6	106,7	5,1	4,78%
2010	142,9	105,3	4,7	4,46%

Таблица составлена на основе источников: Демографический ежегодник России — 2007 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B07_16/IssWWW.exe/Stg/01-02.htm (дата обращения: 5.03.2012); Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963; Численность и размещение населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. / Федеральная служба гос. статистики: Т. 1; Вот какие мы — россияне: Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2011/12/16/stat.html> (дата обращения: 05.03.2012).

Однако необходимо отметить, что темпы роста городского населения на Дальнем Востоке были более низкими по сравнению с республиканскими (соответственно 52 и 74%). Привлечение населения на Сахалин, на юг Дальнего Востока и Северо-Восток стало катализатором социально-политических кампаний по регулированию системы льгот, что вело к изменению денежных доходов дальневосточников. Дальневосточный фактор в 60—70-х гг. способствовал выравниванию территориальных различий в РСФСР [4, с. 150—183].

Раскрывая дальневосточный фактор в социально-демографическом процессе, нельзя не отметить его значение, которое проявилось в естественном приросте населения СССР. В 1950 г. на 1 тыс. населения в СССР прирост составлял 17 чел., на Дальнем Востоке — 28,5. В первой половине 60-х гг. на возрастную группу 20—29 лет в числе приезжих в Магадан приходилось 40,7%, тогда как выезжали из районов Магаданской области в основном люди 44 лет и старше [18, с. 4, 6, 9]. Рабочая молодёжь из российских регионов ехала на Камчатку и Сахалин, пополняя в основном трудовые коллективы рыбной отрасли. На Камчатке в 1966 г. трудилось 10 тыс. молодых инженеров и техников [7, с. 36], это была внушительная созидательная сила. До 1985 г. Дальний Восток в сравнении с другими экономическими районами СССР и России отличался благоприятными показателями рождаемости и по общему коэффициенту рождаемости уступал только Восточно-Сибирскому региону [5, с. 27].

В 1971—1980 гг. среднегодовая численность рабочих и служащих дальневосточного региона выросла более чем в 1,3 раза. В распределении рабочих на территории двух краёв и четырёх областей имелись свои особенности: на юге региона основной костяк рабочих приходился на лесную, деревообрабатывающую, машиностроительную и металлообрабатывающую отрасли промышленности, в северных районах — на рыбную и горную [3, с. 39—43, 45—54].

Роль Дальнего Востока в социально-демографической истории проявилась и в процессе урбанизации. Пространственное развитие урбанизации в России во второй половине XX в. шло в соответствии с географической логикой — особенностями территориальной дифференциации её природных, исторических, экономических, демографических и культурных условий. Хотя на Дальнем Востоке России урбанизация проходила с вмешательством органов власти, всё же уход с исторической арены принудительных миграций, либерализация политического режима и модернизация трудовых отношений вносили элементы спонтанности и стихийности.

В 1960—1970-х гг. урбанистический переход в России произошёл за счёт периферии как европейского центра (Центрально-Чернозёмный район), так и Дальнего Востока [14, с. 215—244]. В дальневосточном регионе возникли дополнительные центры урбанизации — Приморский край, Сахалинская область, Еврейская автономная область. Для этих территорий были характерны ранняя урбанизация и низкая плотность сельского населения. Преимущественно за счёт дальневосточного фактора сформировался так называемый периферийный пояс урбанизации (Хабаровский край, Амурская, Камчатская и Магаданская области), который отличался по темпам роста городского населения. Так, в 1960-е гг. в РСФСР численность городского населения увеличилась на 10%, на Дальнем Востоке — всего на 4%.

Дальний Восток пополнил численность российских монофункциональных городов и усилил российскую тенденцию концентрации населения в городах по отраслевому признаку. Дальневосточная специфика сказалась на численности горожан в портовых городах. Яркий пример развития общей российской тенденции во второй половине XX в. — это города Владивосток и Находка. Между переписями 1959 и 1970 гг. численность жителей морских портов Корсаков и Холмск увеличилась почти на 6 тыс. чел. Дальневосточный регион как зеркало отразил влияние отраслевого принципа на характер урбанизации в России. Так, Лесозаводск стал городом деревообработчиков, занятость населения Артёма, Райчихинска, Партизанска (Сучан) и др. была связана с угледобычей. В целом удельный вес рабочих в структуре занятого населения на Дальнем Востоке между 1959—1970 гг. увеличился с 63,3% до 66,3% (в РСФСР с 55,4% до 61,3%) [9, с. 8—10, 14—15; 10, с. 16—17, 20—21].

Во второй половине XX в. менялся социальный облик советских рабочих, в том числе и в регионе. Важным императивом социальной

модернизации в СССР, в том числе в РСФСР, стал демографический фактор: произошла смена поколений. В составе рабочих в дальневосточном регионе молодые люди занимали долю до 40% [3, с. 54]. Число 20—29-летних рабочих росло и в 80-е гг. Это означало, что подавляющая часть рабочих 1970—1980-х гг. родилась и воспитывалась в послесталинские годы, когда аскетические нормы жизни уходили в прошлое, жизненные стратегии основывались на базе новых ценностных установок. Менялись и условия жизни, расширялись возможности получения образования, увеличивалась роль материального стимулирования.

С 60-х до начала 80-х гг. дальневосточный фактор, проявившийся в целом ряде событий, регулярно входил в число императивов, заставлявших политическое руководство страны держать в центре внимания проблему территориальных различий в уровне жизни населения, жившего в условиях плановой системы распределения материальных благ. С конца 50-х до середины 80-х гг. XX в. население Дальнего Востока было включено в систему унифицированных социальных стандартов, действовавших в РСФСР.

Продолжая анализировать место и статус Дальнего Востока в процессе урбанизации, важно выделить два «исторических комплекса», которые влияли на социально-демографическое развитие России. Во-первых, это формирование населения Магаданской области, которое привело к тому, что в административном центре г. Магадане и рабочих посёлках было сосредоточено 85% населения области. Второй комплекс был связан со строительством БАМа. Этот проект, несмотря на малый экономический результат, внёс некоторые коррективы в социально-демографические показатели. Если в 1959 г. среди занятого населения на Дальнем Востоке наибольшая доля рабочих приходилась на Сахалинскую область (71,1%), то в конце 1980-х гг. рост удельного веса рабочих отмечен в Амурской области (68%), которая в 60-е гг. относилась к территориям с высокой концентрацией сельского населения, но произошли перемены, связанные с ростом городского населения.

Этот советский проект имел ещё один важнейший результат. Он на некоторое время затормозил углубление раскола, начавшегося между политическим и хозяйственным сегментами бюрократии в период хрущёвских реформ. Интересы политиков и хозяйственных руководителей, центра и периферии на какой-то срок были объединены как идеей грандиозности проекта, так и масштабами выделявшихся на его реализацию ресурсов.

Важнейшим социально-демографическим феноменом второй половины XX в. в России стало раскрестьянивание. Импульс этому процессу, безусловно, придавала аграрная политика власти, начавшаяся с послевоенных лет. Дальневосточная практика во многом определила темпы этого процесса и судьбу социальной группы, связанной с сельскохозяйственным производством. Среди самодеятельного населения Дальнего Востока удельный вес колхозного крестьянства постоянно

сокращался: в 1959 г. — 8%, 1970 — 2%, 1979 — 0,8%, а в 1989 г. — 0,7%; в РСФСР соответственно 25%; 9,8; 6,9; 5,5%.

Численность дальневосточного крестьянства сократилась более чем в 6 раз и составила всего 26 тыс., из них 20 тыс. чел. проживали в Амурской области [3, с. 54]. Лишь включение в учётную группу «колхозники», установленную советской статистикой, позволяет говорить, что эта социальная группа в регионе ещё сохранялась в конце XX в., оставаясь крайне малочисленной. В 1989 г. статистка зафиксировала всего 92 семьи в Приморском крае и 230 в Амурской области [20, с. 19]. Крестьянство теряло свои социально-психологические характеристики, разрушался его менталитет. Так, наибольшую долю среди колхозников составляли семьи, состоявшие из трёх-четырёх членов, как, впрочем, и среди семей, проживавших в городах и особенно в посёлках городского типа. В группе «колхозники» происходили динамичные профессиональные и квалификационные изменения, ничем не отличавшиеся от изменений в группе «сельскохозяйственные рабочие». В России в 90-е гг. оставалось 12 регионов с преобладанием сельского населения, и ни одна дальневосточная территория не входила в это число.

Таким образом, во второй половине XX в. дальневосточный фактор в социально-демографической российской истории не только воспроизводил демографическое наполнение большого периферийного региона, но и, по сути, был историческим комплексом, который обеспечивал стратегические позиции государства на Востоке, продолжая укреплять историко-генетический опыт России в освоении периферии. В условиях зарождения системного кризиса в СССР он видоизменил векторы своего влияния.

В 1989 г. в России впервые за вторую половину XX в. возникла тенденция увеличения регионов с отрицательной динамикой численности и доли городского населения. И основную лепту в эту тенденцию внесли дальневосточные и северные территории, а также территории, испытывавшие административное сокращение городов.

В конце XX в. Дальний Восток вошёл в цикл формирования новой миграционной тенденции, так называемого «западного дрейфа» населения, которая в начале XXI в. способствовала депопуляции населения в регионе. Социально-демографические проблемы переходят в область национальной безопасности. И сегодня влияние дальневосточного фактора на российский социально-демографический процесс выражается в новом «вызове»: как сохранить демографический потенциал Дальнего Востока.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI—XX в. / В.В. Алексеева, Е.В. Алексеева, К.И. Зубкова, И.В. Побережникова. М., 2004. 599 с.
2. Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932—1953). Магадан, СВКНИИ ДВО РАН, 2002. 217 с.

3. Борчанинова В.Е. Социальная структура населения Дальнего Востока (60—80-е гг.). Владивосток: Дальнаука, 1992. 176 с.
4. Вашук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (середина 40—80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998. 212 с.
5. Дальний Восток России: экономическое обозрение / Ин-т экон. исследований Дальневост. отд-ния Рос. АН, Фонд Мира Сасакава; под ред. П.А. Минакира. М.: Прогресс-комплекс Экопрос, 1993. 156 с.
6. Деревянко А.П. Строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1974—1982 гг.): Ист. опыт / под ред. А.И. Крушанова. Владивосток: Изд-во ДВНЦ АН СССР, 1983. 152 с.
7. Зиновьев П.П. Главные направления и приоритеты // Камчатка во второй половине XX века: (Воспоминания современников). М.: Молодая гвардия, 2005. С. 24—166.
8. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времён до начала XXI столетия. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинское кн. изд-во, 2008. 712 с.
9. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М.: Изд-во «Статистика», 1972. Т. 1. 176 с.
10. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 5: Распределение населения СССР, союзных и автономных республик, краёв и областей по общественным группам, источникам средств существования и отраслям народного хозяйства. М.: изд-во «Статистика», 1973. 303 с.
11. Миграции населения Азиатской России: конец XIX — начало XXI в. Новосибирск: Параллель, 2011. 392 с.
12. Мир после войны: дальневосточное общество в 1945—1950-е гг.: История Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2009. Т. 3, кн. 4. 696 с.
13. Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2006. 223 с.
14. Попов Р.А. Урбанизированность регионов России во второй половине XX века. // Россия и её регионы в XX веке: территория — расселение — миграции / под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 215—244.
15. Резун Д.Я. О некоторых моментах осмысления значения фронта Сибири и Америки в современной отечественной историографии // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII—XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. Вып. 1. С. 3—35.
16. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. 168 с.
17. Савченко А.Е. История административно-политических взаимоотношений Центра и регионов юга Дальнего Востока в 1985—1990-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2011. 30 с.
18. Совершенствование методов планирования народного хозяйства СССР и показателей плана (Тема 9346). Подраздел «Формирование рабочей силы новых промышленных предприятий» / отв. исполн. Е.М. Щербаков; науч. рук. В.В. Яновский / СВНИ ДВО РАН. Фонды б-ки. Инв. № 605242. Магадан, 1967. 189 с. (Рукопись).
19. Сонин А.Я. Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. М.: Госплан-издат, 1959. 368 с.
20. Состав семей, доходы и жилищные условия рабочих, служащих и колхозников: стат. сб. М.: Республ. информ.-изд. центр, 1989. С. 19.
21. Широков А.И. Северо-Восток в системе общественных отношений СССР в 30—50-е гг. XX столетия (теоретический и практический аспекты) // Колымский гуманитарный альманах / под ред. А.И. Широкова. Магадан: Кордис, 2006. Вып. 1. С. 5—35.
22. Щеглов В.В. Население Сахалинской области в XX веке. Южно-Сахалинск: Изд-во ЮСИЭПИ, 2002. 149 с.